

СТИВЕН ГРЭМ ДЖОНС

НЕ БОЙСЯ
ЖНЕЦА

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д42

Stephen Graham Jones
DON'T FEAR THE REAPER

Copyright © 2022 by Stephen Graham Jones

Школа перевода
В. Баканова

Перевод *Михаила Загота*

Дизайн *Елены Куликовой*

Д42 **Джонс, Стивен Грэм.**
Не бойся Жнеца / Стивен Грэм Джонс ; [перевод с ан-
глийского М. Загота]. — Москва : Эксмо, 2025. — 544 с.

ISBN 978-5-04-204826-5

Не успела Джейд Дэниэлс выйти из тюрьмы, как снова оказалась в эпицентре ужасной резни, устроенной серийным убийцей. Маньяк Мрачный Мельник начинает свой кровавый крестовый поход в чет-верг 12 декабря, а закончит он его в пятницу 13-го, спустя тридцать шесть часов и несколько десятков трупов.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-204826-5

© М. Загот, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Уэсу Крейвену:
нам вас не хватает*

*За редкими исключениями убийцей
оказывается человек, преимущественно
мужского пола.*

Кэрол Кlover

КОШМАР В МОТЕЛЕ

Играть в Озерную Ведьму больше не круто, тем не менее Тоби помнит, как в нее играют.

Игра возобновилась через год после убийств, он тогда ходил в старшую школу второй год, и вряд ли по инициативе кого-то из здешних; нет, скорее, это придумали «пересаженные»: в школе «Хендерсон Хай» есть такое разделение, и при встрече в коридоре тебя в первую очередь спросят: «Так ты... откуда или только переехал?» Ты здесь вырос или переехал сюда, чтобы получить аттестат, а потом на халяву учиться в колледже?

Если ты из Пруффрока, значит, либо тебя чуть не грохнули на воде во время просмотра «Челюстей», либо ты знаешь кого-то, кого грохнули. Например, отца, как в случае с Тоби. А если ты задаешь этот вопрос? Значит, понятное дело, ты — пересаженный.

Почему Тоби точно знает, что игру придумал возродить именно пересаженный? А потому, что если ты

лично пережил ту ночь, то ничего развлекательного в Озерной Ведьме не видишь.

А вот пересаженные, у кого родители не нашли смерть в этих водах, — видят.

Игра очень простая. Маленькая Галатея Пэнгборн — в старшей школе первый год, но пишет почище любой студентки, даже получила приз за свое исследование об игре в Озерную Ведьму, которое новый учитель истории отправил на какой-то национальный конкурс. Ну и дай ей Бог. В качестве награды Галатее предложили зачитать работу на собрании школы. Причем не какой-то кусочек, а целиком.

Гипотеза исследования заключалась в том, что игра в Озерную Ведьму, возникшая «более или менее спонтанно», просто не могла не возникнуть: подросткам нужны «брачные» ритуалы, это естественная потребность, или, цитируя Галатею, «биологический императив, выраженный через социальное взаимодействие». А уникальность Пруфрока в том, что на долю здешних подростков выпало бороться с горем и травмой из-за Бойни в День независимости. И ничего удивительного, говорит Галатея в микрофон нудным профессорским голосом, что ритуалы ухаживания у местных детишек «неразрывно переплелись» с процессом восстановления после травмы. И если считать, что жизнь — это «Колесо фортуны», у нее на все вопросы готовы ответы.

В общем, Тоби согласен: в том, что она тогда сказала, есть свой смысл.

Как и в самой игре, если ты готов как следует побегать. Галатея тогда сказала собранию, что элегантность игры — в ее простоте. Если тебе кто-то нравится, ты

двумя руками стучишь во входную дверь, в боковое стекло машины или еще куда-то, смотря где хочешь начать. Стучать надо настойчиво, тук-тук-тук-тук-тук, чтобы тебе наверняка открыли. К тому же так ты вынужден задержаться дольше необходимого, и тебя запросто могут поймать.

Но нет, ты уже убегаешь.

Что дальше?

А вот что: под черной накидкой ты либо голый, либо почти голый — по правилам игры ты почти всю свою одежду сваливаешь в кучу перед дверью. Галатея назвала это «приманкой и обещанием». Тоби считает, что это — «большой прикол».

Короче, несколько минут назад он поднялся с убогой и пропитанной потом полуторной кровати в мотеле «Конец тропы», в верхней части Главной улицы, поднес указательный палец к губам, предлагая Гвен помолчать, и потянул на себя тусклую красную дверь. На пороге лежала пара аккуратно сложенных легинсов для йоги, а рядом — дорогая тонкая футболка, какие, наверное, продаются за девяносто баксов в магазинах возле горы.

Он выглянул на парковку: сквозь клубящийся снег видны лишь очертания его «камри» и грузовичка мамы Гвен. Чему удивляться: декабрь в Айдахо. Всего час дня, а уже ни черта не видно из-за метели.

— Кто там? — спросила Гвен шепотом и поднялась с кровати, прижимая простыню к горлу, как какая-нибудь героиня телесериала. Тоби этот жест всегда волновал.

Еще одно правило: если не бросишься в погоню немедленно, эта конкретная Озерная Ведьма в твою

дверь больше не постучит. «Сообщение получено», как сказала Галатя, потому что «наводить страх на объект твоей привязанности и маскироваться — это... как-то... жутковато?».

Кажется, после этих слов в ее аудитории раздался первый смешок.

— Сообщение получено, — бормочет Тоби, как бы обращаясь к своей Озерной Ведьме, наклоняется в своих боксерских трусах и трогает легинсы для йоги, дорогую футболку, словно хочет нащупать тепло той, на которой совсем недавно они были надеты. Той, которая только что стояла здесь, выскальзывая из одежды, прикрывшись накидкой — при минусовой температуре, сколько там сейчас градусов?

Возникает вопрос: как быть? Оставить Гвен в номере и пуститься в погоню за другой девушкой, презрев непогоду?

Хотя что за вопрос? Ведь это же игра. Дело не в том, удобно тебе или нет. А в том, хочешь ты или нет.

— Сбегаю за колой, — бурчит Тоби в глубь номера и выходит за дверь, хватая на ходу свою спортивную куртку. Правилами это запрещено: ты должен броситься в погоню как есть, ничего не шнуруя, не чистя зубы, не натягивая модные штаны, — но он уже замерз.

Гвен что-то кричит ему, но дверь уже со щелчком закрылась.

Тоби стоит один под балконом второго этажа, это такой крытый переход, или как он называется? Галатя точно нашла бы нужное слово. «Парапет?» Тоби ухмыляется, сам не понимая, откуда слово приплыло ему в голову. С урока английского? Из какого-то фильма?

Да и какая разница?

Важно другое: следы на снегу уже покрываются ледяной корочкой.

— Оно должно того стоить! — кричит Тоби в сторону парковки.

Кажется, он стоит на крыше мира, и больше вокруг нет вообще никого.

Все, у кого в порядке с мозгами, то есть все, кроме него и Озерной Ведьмы, сидят в домах, где тепло. А уж кто снаружи, наверняка как следует утеплился, для такого бурана напялил на себя очки-консервы, а то и прихватил дефибриллятор.

Тоби запихивает руки себе под мышки, глубже загоняет голову в воротник и выходит в зимнюю стужу.

Если он не вернется с колой из автомата, Гвен сразу поймет: тут что-то не так. Но Тоби уже знает, как именно соврет: мол, думал, что в куртке есть мелочь. Только... Гвен же не дура. Конечно, она переехала сюда только в этом году, ради стипендии, а игра в Озерную Ведьму уже пошла на убыль, то есть фирменный тук-тук-тук она могла не опознать, но все-таки...

Что, если у него на шее появятся свежие засосы? А рот будет вымазан чьей-то губной помадой?

Гвен, конечно, из большого города, но не до такой степени большого.

Если ты акула, надо двигаться, так? Двигайся — или умрешь. После резни эти слова стали для Тони девизом, как наклейка на машине. Строго следовать этому девизу, быть в постоянном движении — и та жуткая ночь на воде с каждым днем уходит от тебя все дальше, с каждым взмахом хвоста. Или — если взять этот мотель, — с каждым толчком хвоста. Вот о чем

Галатее надо было написать. Сын директора школы, баскетбольная звезда — и выбрал себе в качестве тотема акулу? Ту самую, которая была на экране, когда его папа-директор умирал в воде?

Может, и так.

Но если сказал «А», надо говорить «Б».

Главное — все время двигаться: на прошлой неделе — Пенни, на этой — Гвен, а сейчас... кто она, эта Озерная Ведьма?

Вайнона Эф, с ударением на инициале?

О да. Да, да, да.

Он рад, что игра вернулась. Пусть она не новая — что с того? Еще какая новая. Ничего, хендерсонцы; оттого, что принцесса из Терра-Новы прочитала свой доклад при полном зале слушателей, игра никуда не делась, вот еще. Скорее, стала еще популярнее, уж никак не увяла.

Вот и Тоби наклонился проверить — не увяло ли на морозе его достоинство?

Значит, вперед.

Ведь местному холод нипочем, так? Если ты в этих предгорьях родился, если зима у тебя в крови?

Но понятное дело, ветру надо подставить спину, чтобы не пробрался под куртку. Сегодняшняя Озерная Ведьма, кто бы она ни была, не ожидала, что Тоби появится: краем глаза он видит, как нечто черное скрывается в снежной пелене.

Точно не скажешь, Вайнона это или нет.

— Поймаю! — все равно кричит Тоби, и погоня продолжается.

Галатее объяснила слушателям, что вся эта беготня друг за другом — лишь прелюдия, жертва соблазняет

охотника: кровь пульсирует, дыхание прерывистое, и, если Озерная Ведьма постучалась в нужное время, значит, тот, кто ее все-таки поймает, тоже не очень одет. Как и она под своей облегающей накидкой.

«Удобно, да?» — сказала Галатей, и слушатели в зале засмеялись во второй раз.

Как всегда, у двух дверей из аудитории стояли вазы с презервативами: бери, никто ни о чем тебя не спросит.

Как всегда, кто-то уже опустил в каждую вазу открытую английскую булавку.

Умора.

Кстати. Тоби роется в карманах и выуживает оттуда...

Визин, ясное дело. Синяя ручка. Бумажник, черт его дери. Надо его куда-то припрятать, иначе Гвен поймет, что деньги для автомата у него были.

А что в другом кармане?.. Ага. Три пакетика.

Тоби прикинул... да. Столько и должно было остаться.

Он снова рассовывает все по карманам и видит, как от автоматов на него смотрит лицо в капюшоне.

Через секунду он уже там, ноги почти онемели от холода, а Озерная Ведьма — между прочим, в зимних сапогах, по следам видно, — обегает мотель с другой стороны.

Но Тоби на мякине не проведешь, он отступает назад и тут же бежит в сторону входа, потому что, если жертва думает, что охотник погонится за ней мимо автоматов, другого пути вернуться у нее нет.

— Оно должно того стоить, должно! — кричит Тоби навстречу бурану и улыбается во весь рот.

Вдруг на пороге их номера появляется Гвен.

— Деньги улетели! — бросает ей Тоби и делает вид, будто хочет поймать летящий на ветру доллар.

— Давай дам другой! — откликается Гвен, ежась от холода.

И... только не это.

Увы — она видит легинсы для йоги и футболку, они прямо у нее под ногами.

— Что это? — кажется, слышит ее вопрос Тоби. По крайней мере, его можно угадать по ее напрягшимся плечам. По ее сверкающим глазам.

«Ты не понимаешь, — хочет объяснить он ей. — Надо узнать, кто это. Второй раз она не постучится».

Если перевести, получится: в жизни раз бывает семнадцать лет.

Тоби делает шаг в сторону Гвен и тут замечает на парковке... нечто огромное. Будто с неба упала гигантская черная стена и перегородила стояночные места.

— Что за хрень? — бормочет он и бросает взгляд через правое плечо: вдруг рядом возникла Озерная Ведьма, сейчас дотронется до него и снова ускользнет.

А тут еще Гвен, она подняла одежду и внимательно ее изучает.

Узнаёт, чья она? У девушек на такие дела особый нюх, верно?

А тут еще... Что это за хреновина на парковке?

Это уже слишком.

Отдаляться от мотеля Тоби не хочет, но, чтобы разгадать эту загадку, хватит и нескольких шагов.

С трудом передвигая ноги, стуча от холода зубами, он идет к парковке... Что это? Мусоровоз?

Мощный порыв ветра бросает жесткие снежинки ему в лицо, в глаза, в легкие, он отворачивается, трясет головой. Нет уж, довольно. Лучше вернуться в номер к Гвен. Если это и правда Вайнона — замечательно, прекрасно, чудесно. Только в другой раз, милая, ладно? Я занят, понимаешь?

И вообще, ты не заметила, что на улице жуткая холодрыга?

Он, как может, съеживается, чтобы укрыться от ветра, и тут... ощущает жаркое прикосновение. Жаркое и мгновенное.

Поначалу его примитивный акулий мозг отказывается это переварить.

Часть игры — ее «продвинутая версия», как высказалась Галатея, окончательно всех утомив, — сводится вот к чему: Озерная Ведьма проносится мимо и «салит» тебя по плечу. «Как в танце», — объяснила Галатея, но на этот раз никто не засмеялся.

«Осалить» — обычное дело для американских индейцев», — сочла нужным объяснить она, будто хотела показать, какой она типа знаток, мол, даже обидно, что такое надо кому-то объяснять.

На парковке, через два месяца после выступления Галатеи, Тоби смотрит на мерцающий неоновый знак: гигантский умирающий индеец на гигантской изможденной лошади. А потом, чтобы проверить, не почудилось ли ему, Тоби смотрит вниз, на свои руки, сложенные корзиночкой у талии.

Они красные — не столько от света, излучаемого неоновым индейцем, сколько от крови, его крови, а в руках он держит... держит...

Тоби трясет головой, отшатывается.

Он держит свои кишки, свои внутренности, свою печень и поджелудочную железу, желчный пузырь и еще что-то, а руки до такой степени онемели, что даже не чувствуют веса внутренностей.

Тоби убирает руки, чтобы ничего этого не видеть, будто этого нет, но внутренности вываливаются сами; они поблескивают, скользят, сбиваются в куски и быстро выползают наружу, а в его теле возникает пустота, какой он в жизни не чувствовал, и ветер впервые задувает внутрь него, потому что теперь весь его живот — это просто полость.

Он падает на колени, пытаясь хоть что-то запихнуть в себя, потом поднимает голову — и сверху на него смотрит гигантский неоновый индеец.

Свет мигает, становится ярче, краснее — и вдруг окончательно умирает.

Вместе с ним умирает и Тоби Мэнкс.

МРАЧНЫЙ МЕЛЬНИК

Летом 2015 года из тени вышел грубый зверюга и, сгорбившись, пробрался в ночные кошмары ни о чем не подозревавшего мира. Его звали Мрачный Мельник, но это была не единственная его кличка.

Кочуя по Вайомингу, работая на «линии питания», как ее называли, он был известен как Истфоркский Душитель. Не потому, что он когда-то вешал шляпу в Истфоркской ночлежке или объезжал верхом пастбища, нет: к нему каким-то образом попал тамошний железный стержень для таврения — один из двухсот сорока шести, — и каждую свою жертву он награждал клеймом, предварительно раскалив стержень докрасна.

В тот сезон он приставлял своих мертвецов к снежным сугробам, всегда лицом к северу. Речь не о какой-то индейской традиции: Мрачный Мельник по рождению звался Оджибве, из Миннесоты; это был, как он скажет позже, просто жест вежливости — после всего, что он со своими жертвами сотворил.